

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А. А. Зиновьев о социально-историческом процессе: основы концептуального видения

Е. В. КАТЫШЕВЦЕВА

(ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Рассматривается проблема теоретических оснований социально-исторического видения А. А. Зиновьева. Анализируются аргументированные Зиновьевым социальные законы, позволяющие определить направления и особенности развития современных форм глобального иррационализма и деструктивизма.

Ключевые слова: социальная философия, история, глобальный иррационализм, «человеиник».

A. A. Zinoviev about the social-historical process: the grounds of the conceptual vision

E. V. KATYSHEVTSEVA

(IZHEVSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY)

In the following article the problem of the theoretical grounds of A. A. Zinoviev's social – historical vision is under review. The contents of the article contain analyzing the social laws, suggested by the philosopher, which let us determine the directions and peculiarities of developing of the present forms of global irrationalism and destructivism.

Keywords: social philosophy, history, global irrationalism, 'manhill' – by analogy with 'anthill' (Russian variant – cheloveinick)

Изучение творчества А. А. Зиновьева актуально и общезначимо. Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим основные положения его социально-философской концепции в контексте давнего спора об истории и человеке, происходившего в мыслительном пространстве классической и неклассической философии.

Философия классического периода, прежде всего, в лице философии Гегеля, утверждала прогрессистски-оптимистический, разумный путь развития истории и личности. «Все действительное разумно; все разумное действительно» — хрестоматийное высказывание Гегеля, ставшее философским кредо классического новоевропейско-

* Катышевцева Елена Валерьевна — кандидат исторических наук; доцент кафедры философии, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Ижевского государственного технического университета — Глазовского инженерно-экономического института (филиала) ИжГТУ. Эл. адрес: miledi@glazov.net

го понимания истории и человека. В свою очередь, неоклассическая философия — от Шопенгауэра до экзистенциалистов — исходила из волюнтаризма, абсурдности, иррациональности истории, необоснованности любых форм прогресса и оптимизма, определяющих иррациональность поведения человека. Будь то шопенгауэровское понимание человека как «единственного животного, способного истязать других ради самой цели: заставить страдать», будь то экзистенциалистское утверждение духовной выдержки человека, заброшенного в иррациональный, вышедший из-под его контроля поток событий.

Зиновьев, несомненно, правда, не оговаривая этого, участвует в обозначенной дискуссии XIX–XX вв. Однако участвует в ней с позиции философа XXI столетия, осмыслившего принципиально новые «развязки» в данном споре, и внося в него тем самым свои, новые, весьма тонкие и четкие уточнения.

История, по Зиновьеву, как сфера жизни людей есть сочетание естественного и искусственного, биологического и сознательного. Для того чтобы оценить смысл данного положения, необходимо раскрыть существенный для Зиновьева подход к пониманию «сознательного». Данный подход включает в себя две основные мысли. Первая мысль состоит в том, что «сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успехам» (Зиновьев, 2000: 112). Вторая мысль утверждает, что «степень сознательности действий» (Зиновьев, 2000: 299) в истории человечества нарастает; что «сознательный и планомерный элемент» (Зиновьев, 2003: 384) стал доминирующим среди факторов эволюции.

Какие выводы следуют из обозначенных положений Зиновьева?

В методологическом плане подход Зиновьева означает актуализацию античного (а античность, как известно, знала все), еще платоновского понимания мыслительных структур сознания как рассудка и разума. В русской философской традиции «разуму» принято было противопоставлять «ум», ко-

торый согласно В. Н. Татищеву обращается в «разум» благодаря просвещению (см.: Макаров, 1982: 141).

Возрождаемые Зиновьевым оттенки «сознательного» или, точнее, применение им этих смысловых оттенков к анализу истории и человека позволяет по-новому подойти к проблеме соотношения разумности и иррациональности в эволюции общества и человека. История, по Зиновьеву, коль скоро это история людей (социальных индивидов), не столько разумна, как думал Гегель, а вслед за ним (правда, по-другому) Маркс, сколько рассудочна, причем рассудочна в аспекте «интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями будущего» (Зиновьев, 2000: 304). Именно эта рассудочность, а не разумность истории, вытекающая из рассудочности, но далеко не разумности человека, позволяет Зиновьеву, как мы считаем, говорить об иррационализме в истории, по крайней мере именно здесь находить его причины. Нарастание сознательности в истории, по мнению Зиновьева, естественно и даже закономерно. Оно проявляется в «возникновении качественно новых, более высоких уровней организации» (Зиновьев, 2000: 84) социальной материи. Так, на месте «предобществ», не имеющих рациональной организации, возникли общества, которые обладают ею. Причем развитие названного процесса шло естественно, т. е. направление эволюционного процесса определялось «в результате ожесточенной борьбы различных сил в течение десятилетий и веков» (Зиновьев, 2000: 87) в ходе установления соответствия естественного искусственному, в ходе самоорганизации и самосохранения «человека».

Впрочем, нарастание сознательного в историческом процессе способно иметь свой «потолок», предел, выход за который означает нарушение меры соответствия искусственного естественному. К явлениям такого рода Зиновьев относит широкомасштабную проектно-эволюционную деятельность человека, получившую широкое распространение в XX в. Осуществляемая «в пользу од-

них и во вред другим» (Зиновьев, 2003: 387), претендующая на волевое изменение направления естественного хода истории, социально-проектная деятельность есть, по Зиновьеву, основа социального иррационализма или, как он говорит, «сверхрационализма», имеющего конкретно-исторические формы деструктивности. Их «первыми ласточками» стали массовые общества и феномен массового человека, зафиксированный и описанный в творчестве теоретиков масс. Результатом современного социально-эволюционного «сверхрационализма» Запада являются различные формы антиглобализма в мире как борьбы за право выбора эволюционного развития. «Если советские коммунисты, — весьма недвусмысленно пишет Зиновьев, — стремились перестроить мир по коммунистическому образцу, то после сокрушительного поражения советского коммунизма западный мир перехватил инициативу и начал преобразование образа жизни народов и стран планеты по своему, западному образцу. Но и он подвластен тем же самым объективным законам социальной эволюции» (Зиновьев, 2003: 388).

Философ выделяет основные формы современного «сверхрационализма» как осуществляемого Западом социального проекта глобализации мира. К ним он относит разрушение государственной, экономической, социально-политической телесности глобализируемых стран на основе стерилизации «менталитетной сферы» членов соответствующих «человеяников».

Поиск философом путей «блокирования» современного «сверхрационализма» определяет его пристальное внимание к биосоциальным, «коммунальным» сюжетам человеческого бытия, объективно выполняющим роль механизмов «сглаживания ущерба, привносимого сознательно-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей» (Зиновьев, 2003: 387). Последнее обстоятельство объясняет органицизм и «человеяниковость» его социальной философии жизни.

Как соотносится теория Зиновьева с органицистскими, в том числе одноименными

(«философия жизни») учениями XX в.? Известная близость обозначенных концепций теории Зиновьева ограничивается предметной близостью — интересом к жизни человека в ее социоорганическом понимании. Вместе с тем Зиновьеву глубоко чужд волюнтаризм, перспективизм и «текучесть», присущие в понимании человека Шопенгауэру, Ницше и экзистенциалистам.

Бесконечно далек зиновьевский феномен жизни со всеми его законами рационального эгоизма и от социал-дарвинистских концепций, сводящих закономерности человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и естественному отбору.

Предметом социально-философской заботы Зиновьева является жизнь человека и общества во всей их целостности и внутренней адекватности, что привносит в его логику своего рода античный соматизм и «скульптурность». Так, главный персонаж социально-философской антропологии Зиновьева — социальный индивид со всеми его эгоистическими наклонностями — это скорее античный софист с его парадоксом следования природному и неследования придуманному людьми закону. Соответственно социальный индивид Зиновьева ничем не похож ни на обозленного атомизированного индивида Гоббса, ни на массового человека Ортеги-и-Гассета или Маркузе. Первый есть иллюстрация универсального поведения человека в социуме; второй демонстрирует конкретно-историческую агрессию взбесившегося экономического человека «новоевропейской волны», наконец, третий есть одномерный вырожденец социального индивида.

Итак, социальный индивид Зиновьева — это социальная подоплека поведения, присутствующая в той или иной мере поступкам любого человека, т. е. человека реального со всеми свойственными ему слабостями и недостатками. Последнее обстоятельство в силу имеющегося у реальных людей права добровольного выбора в пользу того или иного поступка не исключает появления среди массы

«софистов» и Сократа. Нравственный человек, по Зиновьеву, — это «вспышка» на фоне социальности, проявляющая себя в «добровольном моральном самоограничении» (Зиновьев, 1994: 263). И действительно, история знает миллионы таких вспышек, сопоставимых с сияющим кантовским звездным небом, но отнюдь не с включаемой кем-то лампой дневного света.

Коль скоро это так, то логично в центре внимания социальной философии Зиновьева находится такой социум, такое социально-биологическое целое, в котором человек мог бы жить, оставаясь реальным человеком, человеком, какой он есть. Лучший вариант бытия для своего «софиста» Зиновьев усматривает в рационально организованном обществе — независимом национальном государстве, где существуют предпосылки для того, чтобы не дать «софисту» превратиться в «Iirus»'а. Утверждая это, философ прекрасно знает об эфемерности преобразования «софиста» в Сократа. «Софист» хочет жить,

поэтому философская смерть во имя идеалов ему глубоко чужда. Поэтому ни о каком этическом рационализме, пусть самого возвышенного, сократического, толка, речи идти не может.

Однако агрессивные попытки построения «глобального человеконика» за счет превращения хитроумного Одиссея в жалкого, управляемого низкими инстинктами Вакха заставляют философа неустанно отстаивать свободу внутреннего мира реального человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зиновьев, А. А. (1994) Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф.
- Зиновьев, А. А. (2000) На пути к сверхобществу. М. : ЗАО «Изд-во Центрполиграф».
- Зиновьев, А. А. (2003) Логическая социология. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Макаров, М. Г. (1982) Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений. Л. : Наука.

Новые книги

Зиновьевские чтения в Московском университете : материалы Междунар. науч. конференции. 6–7 ноября 2008 г. / под ред. В. В. Миронова. М. : Совр. тетради, 2009. 159 с.

Луков, Вал. А. К теории социальных общностей : науч. монография [Текст] / Вал. А. Луков ; 2-е изд., испр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. 80 с.

Постмодернизм: взгляд из XXI века : кол. монография [Текст] / отв. ред. Н. О. Осипова ; авт. кол.: А. А. Акатова, К. З. Акопян... А. В. Костина, Н. О. Осипова, Г. П. Хорина и др. Москва – Киров, 2009. 288 с.